

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

1866.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета духовной цензуры печатать позволяется. С. Петербургъ, 8 января 1866 года.

Цензоръ, *Архимандритъ Фотій.*

ЗАГОРОДНОЕ ПОУЧЕНІЕ (*)

І. Е. В.

Есть для человѣка даръ Божій, который, если человѣкъ захочетъ или съумѣетъ пользоваться имъ, какъ должно, всегда принесетъ чистыя и необманчивыя наслажденія душѣ его. Этотъ даръ — красота физической природы и жизнь ея во цвѣтѣхъ лѣта.

Если такой роскошный городъ, какъ Петербургъ, ищетъ себѣ лѣтомъ отрады и въ такой не роскошной природѣ, какъ петербургская, то не истинно ли даръ Божій у васъ, владѣтели этой прекрасной мѣстности? Необыкновенная въ нашемъ краѣ свѣжесть и пріятность воздуха, зеленѣющая, густая, вѣковая растительность съ тѣнистыми аллеями, обиліе самой чистой, прозрачной воды, которая бьетъ живыми ключами и разливается потоками, шумными каскадами, фонтанами, рѣчками и озеромъ, давая въ себѣ приволье множеству рѣзнящейся рыбы; живописныя возвышенности съ широкими и разнообразными видами;

(*) Въ селѣ Гостилицѣхъ, С.-Петербургской губерніи, принадлежащемъ А. М. и Т. Б. Потемкинымъ.

наконецъ на всемъ этомъ—характеръ самой естественной простоты, чуждой всякой искусственности, и только небольшой рѣзецъ въ рукѣ добраго хозяина, мирно живущаго съ природою, очищающаго ее, но нисколько не насилующаго: не сокровище ли это для духа и тѣла, въ особенности изможденныхъ городскою жизнію?

Какая восхитительная картина, скажетъ всякій, смотря на это мѣсто. Нѣтъ, скажу я: это еще не картина; это только рама, а настоящая картина—внутри. Здѣсь, среди этой прекрасной природы, живетъ еще прекраснѣйшій духъ, которому я не найду лучшаго имени, какъ духъ—*христіанскій*. Ахъ, съ какою любовью и утѣшеніемъ сердца описалъ бы я всѣ свѣтлыя черты этого духа, если бы не боялся нарушить почти-тельной скромности предъ самымъ лицомъ его, въ сію минуту такъ простосердечно ко мнѣ обращеннымъ, если бы предъ глубиною смиренія, которое есть по истинѣ вѣнецъ его, не сдерживались самые сильные порывы моего слова. Не хочу я и въ глазахъ другихъ наводить на мое слово краски лести... Да не будетъ! И на каѳедрѣ священной, и вездѣ и всегда рѣчь моя да будетъ чужда лести, этой отравы истины, предъ кѣмъ бы ни говорилъ я! Да не расточаетъ легко языкъ мой и не льстивыхъ похвалъ видимымъ достоинствамъ чело-вѣка, чтобы не приносить съ собою суда чело-вѣческаго, предъ которымъ не раскрыта внутренняя жизнь чело-вѣка, на мѣсто суда Божія, который одинъ долженъ я воз-вѣщать предъ Божиимъ престоломъ на земли. Страшно хвалить людей, когда говоримъ предъ лицомъ Бога и отъ Его имени.

Одной черты здѣшняго духа не скрою я теперь, въ назиданіе самому себѣ и другимъ. Не пастыремъ и

учителемъ явился я сюда; не каѳедры для поученія искалъ я здѣсь. Съ духомъ, обремененнымъ думами и трудами, съ тѣломъ, ослабленнымъ болѣзнями, спѣшилъ я сюда подъ сѣнь оживительной природы для укрѣпленія сколько нибудь своихъ силъ. Я зналъ, что найду здѣсь, въ этихъ сердцахъ: но видно еще не все зналъ, или на этотъ разъ не подумалъ о своемъ собственномъ долгѣ... Что вижу? Здѣсь жаждутъ *поученія*, и среди всѣхъ удовольствій привольной жизни здѣсь не хотѣли оставить случайнаго появленія пастыря безъ того, чтобы не получить отъ него назиданія. Вотъ она, настоящая почва для духовнаго сѣянія: она сама о себѣ скажетъ; лишь не будь лѣнливъ сѣятель. Не скроюсь и я предъ такою почвою, какъ ни малы у меня силы и средства для сѣянія. Я не поклонникъ нашего большаго свѣта: но съ особенною радостію встрѣчаю здѣсь добрый участокъ *его* поля. Подумайте вы о насъ, какъ мы, пастыри и служители Церкви, во всю жизнь свою, среди всевозможныхъ лишеній и скорбей, безъ средствъ, безъ опоръ, безъ свободы и силы церковной, вдвойнѣ перенося тяготу презрѣнія и давленія міра, и за свое сословіе и за свое служеніе, которое онъ отрицаетъ, составляя самъ для себя *религію* — безъ насъ, — какъ мы работаемъ на духовномъ полѣ челоуѣчества; какъ наибольшую частію находимъ здѣсь только камень, песокъ, всякаго рода терніе, и нерадостно, не полною рукою бросаемъ Христовы сѣмена, потому что не ожидаемъ отъ почвы и *климата* хорошихъ плодовъ; только на низменныхъ поляхъ, гдѣ вмѣстѣ съ нами сѣтъ нужда, скорбь, потный и слезный трудъ, мы можемъ еще, хотя съ величайшими усиліями, возрастить что нибудь; но въ на-

горныхъ мѣстахъ, гдѣ не ѣдятъ того хлѣба, который мы съемъ, а въ роскошныхъ садахъ питаются сладкими плодами искусственнаго и преимущественно иноземнаго происхожденія, тамъ не видятъ и не слышатъ и не знаютъ насъ, мрачно и уныло бродящихъ около тѣхъ садовъ, не имѣя въ нихъ доступа, и лишь высматривающихъ хоть какой нибудь выдавшійся изъ нихъ уголокъ, чтобы положить тутъ свое народно-святое, т. е. православное сѣмя: авось вырастетъ и обратитъ на себя вниманіе—хоть новостію для людей, не имѣющихъ понятія о немъ. Вотъ я счастливъ: я нашелъ здѣсь такой уголокъ и положу сѣмя: а вы, вы поняли меня?... Скажите же міру, что на вашемъ полѣ есть нѣчто такое, чего тамъ не знаютъ...

Какое же поученіе предложу вамъ? Не возьму его издалека; оно готово здѣсь, въ этой природѣ, которая васъ окружаетъ. Тѣ наслажденія человѣка среди красоты природы, о которыхъ я сказалъ вначалѣ, получаютъ серьезный смыслъ и всю благотворную для него силу только тогда, когда относятся не къ однимъ внѣшнимъ чувствамъ, восхищающимся этими красотою, а вытекаютъ изъ нравственнаго сближенія человѣка съ природою. И эти лебеди, въ такой нѣгѣ плавающіе по вашему озеру, и эти весело поющія и перелетающія по дѣревьямъ птицы наслаждаются природою и дѣляютъ блага ея жизни: но они только ощущаютъ, а не понимаютъ ее. Вы, люди, должны понять природу; углубляйтесь вашимъ умомъ въ ея законы, вашимъ сердцемъ въ ея характеръ; старайтесь постигать смыслъ ея жизни; въ ея работахъ разсматривайте не одни рисунки, цвѣты и отдѣлку, какъ въ вашихъ руководъльяхъ, а главное—изучайте мысли, какія природа въ себѣ вырабатываетъ

и вамъ внушаетъ. Отъ чего, думаете вы, такъ прекрасна природа? Не отъ одного стройнаго и пріятнаго для глазъ сочетанія разнообразныхъ цвѣтовъ и формъ, а отъ того именно, что въ этомъ разнообразіи и сочетаніи выражается. Въдѣ въ природѣ, подѣ ея бездушными и безмолвными образами, равно и въ большихъ и въ малыхъ ея произведеніяхъ, сокрыты глубокія мысли, мысли разумныя и нравственныя, законы точные и неизмѣнныя, стремленія живыя и дѣйственныя. Эти-то мысли, законы и стремленія, раскрываясь въ жизни природы, въ цѣломъ и въ частяхъ ея, производятъ всѣ дивныя красоты ея. У природы видимый образъ—какъ лицо умнаго человѣка: оно потому именно привлекательно, что освѣщено умомъ, оживлено мыслию, запечатлѣно характеромъ. А чтобы не долго мучить васъ философіей, скажу, какъ богословъ: въ природѣ положилъ свою мысль Умъ Божій; ея жизнию изначала движетъ Духъ Божій; на ея законахъ почіетъ рука вѣчной Премудрости. Поймите это; услѣдите, сколько вамъ возможно, этотъ Умъ, эту Руку; словомъ,—найдите здѣсь Бога: вы увидите въ природѣ свѣтъ, почувствуете истинную гармонію, какъ образованнымъ умомъ и чувствомъ вы постигаете въ искусствѣ живописи—жизнь, въ гармоніи музыки—душу; тогда вы полюбите природу любовію разумною, сознательною, достойною человѣка; тогда сердце ваше откроется всѣмъ глубокимъ впечатлѣніямъ природы, способнымъ оживить и возвысить вашъ духъ надъ житейской суетою; вы сами душею сроднитесь съ природою, — и красоты ея будутъ для васъ еще восхитительнѣе потому, что будутъ разумно — понятнѣе; онѣ, такъ сказать, отпечатлѣются въ васъ самихъ, перейдутъ въ вашу душу и она сама станетъ

прекрасиѣе. Тогда-то можете сказать, что наслаждаетесь природою.

Вотъ что я называю нравственнымъ сближеніемъ чело-вѣка съ природою. Такое сближеніе должно начи-наться заранѣе, прежде чѣмъ отдалить чело-вѣка отъ природы міръ. Вотъ, напримѣръ, это аристократичное дитя, такъ живо, какъ мотылекъ, порхающее по этимъ лугамъ, близко-ли оно душою къ природѣ, какъ слѣ-дуетъ ему быть по самому возрасту его? Любитъ ли оно природу всею чистотою невинной души и сочув-ствуетъ ли ей всею нѣжностію дѣтскихъ ощущеній? Приучается ли оно серьезно, съ мыслию смотрѣть на природу, а не играть только съ нею? А для этого от-крыты ли ему на столько глаза на природу, чтобы ви-дѣть и чувствовать въ ней присутствіе Бога, Премуд-рости вѣчной, Любви безконечной? Счастливое дитя! Помни впоследствии эти ясные дни среди этой цвѣтущей природы; помни все это золотое для тебя время жизни подъ кровомъ общей къ тебѣ любви, всѣ эти добрыя лица, непрестанно тебя ласкающія; да кстати не забудь и суроваго пастыря, который хотѣлъ заставить тебя мыслить среди твоихъ игръ. Ты не бойся теперь во-просовъ о Богѣ или испытаній изъ закона Божія; на-противъ, ты самъ спрашивай насъ, какъ можно болѣе; спрашивай умомъ и сердцемъ особенно изъ этой боль-шой книги, которую называютъ природою; съ нею не будутъ тебѣ трудны и страшны и тѣ небольшія книжки, въ которыхъ изложено ученіе о Богѣ. Вотъ будетъ тебѣ страхъ и печаль, когда среди трудныхъ опытовъ жизни, ни для кого не минуемыхъ, твоя душа оказа-лась бы безъ силы и опоры; словомъ, безъ Бога, из-дѣтства не познаннаго ни въ природѣ, ни въ наукѣ.

Но мы надѣемся, что этаго страшнаго удара въ твоей душѣ не будетъ; родственная рука чисто-христіанской любви, теперь тебя ведущая, ведетъ тебя къ Богу.

Грустно видѣть, какъ человѣкъ въ настоящее время отдалился отъ природы. Неужели же можно считать серьезнымъ сближеніемъ съ природою лѣтніе выѣзды за городъ? Люди бѣгутъ въ поле отъ городской пыли и удушливости; а пыль и удушливость—за ними. Я такъ называю суетливость городской жизни; она почти вся тутъ, и за городомъ, такъ же какъ въ городѣ. Тоже неестественное распредѣленіе времени и всего образа жизни, таже искусственная обстановка, таже иысканность въ одеждѣ, тѣ же мысли и чувства и привычки, тѣ же рѣчи... Даже мало внѣшняго наслажденія природою: и тутъ привычныя стѣны отдаляютъ отъ нея. Впрочемъ, что уже и говорить о внѣшней физической природѣ, когда человѣкъ отдалается и отъ своей собственной природы,—той, которую носить въ самомъ себѣ. А что его отдаляетъ? Все: и воспитаніе и условія жизни и строй общественный и весь духъ міра, какъ будто все преднамѣренно направляется къ тому, чтобы сдѣлать человѣка не похожимъ на самого себя. И что это за человѣкъ нынѣ выходитъ изъ рукъ міра? Это можетъ быть человѣкъ очень образованный и развитый, но какой-то не естественный; это человѣкъ искусственный, потому что не своя природа, а искусство міра образовало его. У него странныя, не естественныя обо всемъ понятія, искаженные нравы, натянутые обычаи, безпорядочныя стремленія. Смотрите далѣе: у него своя религія—безъ вѣры, своя нравственность—безъ правиль, свое счастье—безъ добра, свое добро—безъ убѣжденій. Эгоизмъ и расчетъ: вотъ побужденія и основы

всей жизни современнаго человѣка. Онъ всегда и во всемъ противорѣчитъ своей разумной, нравственной, словомъ, истинной человѣческой природѣ, — и тяжело отзывается на немъ же самомъ это противорѣчіе. Это человѣкъ — всегда болѣзненный и духомъ и тѣломъ; никогда ничѣмъ недовольный, всегда и всѣмъ раздражаемый, никогда ни въ чемъ не находящій покоя, а въ самомъ себѣ—еще менѣе, чѣмъ въ другомъ чѣмъ либо. Жестоко казнить его сама природа, которой онъ постоянно измѣняетъ: она казнить его организмъ—хроническими болѣзнями, казнить его душу — тоскою и уныніемъ, его умъ—темнотою и слабостію, его сердце—холодомъ и сухостію, его жизнь — ударами несчастій. Что же еще впереди ожидаетъ человѣчество, живущее такою не естественною жизнію? Оно, какъ подвижная машина, несется на всѣхъ парахъ своего искусственнаго развитія: куда? Едва ли оно и само сознаетъ это.

Эта искусственность жизни приводитъ наконецъ къ тому, что люди теряютъ всякое чувство религіи, всякій смыслъ въ Христіанствѣ. Истины, сколько нибудь отвлекающія отъ обыденной суеты, становятся для нихъ и не понятны и не исполнимы. Сколько случается намъ въ кругу образованныхъ людей слышать, въ видѣ самооправданія, что для нихъ невозможно слѣдовать всѣмъ правиламъ вѣры, уставамъ Церкви, требованіямъ христіанской совѣсти: а почему? Потому, говорятъ, что жизнь въ мірѣ сложилась совсѣмъ иначе, имѣетъ свои неодолимые требованія, и они не могутъ измѣнить принятаго уже всѣми ея теченія. Странные люди! Они сами на себя произносятъ приговоръ. Какіе же это просвѣщенные люди, если не разумное сознаніе, правильно развитое, а какое-то слѣпое подчиненіе посто-

роннымъ и случайнымъ вліяніямъ управляетъ ими? Какіе-же это христіане, если не путемъ внутренней жизни по духу Христову, а путемъ одной внѣшней, общественной жизни, располагаемой по духу времени, идутъ они, и даже не дадутъ себѣ труда остановиться и подумать, каковъ этотъ путь? Какую же они могутъ имѣть совѣсть и нравственность, если въ дѣлахъ совѣсти и жизни духовной имѣютъ въ виду не высшій судъ, Божескій, а судъ людской, непостоянный, слѣпой и коварный? Они не понимаютъ несчастные, что, признавая для себя невозможнымъ исполненіе требованій религіи, они объявляютъ сами себя не способными ни къ чему истинному, доброму, серьезному, ни къ чему лучшему—впереді. Страшно подумать, чѣмъ угрожаетъ такое положеніе современной жизни обществу и всему человѣчеству: оно угрожаетъ возстановленіемъ язычества. Да! въ наше время среди Христіанства уже много язычества. Тяжело, говорятъ свѣтскіе люди, исполнить всѣ правила вѣры; но такимъ сужденіемъ хочется имъ только успокоить, т. е. обмануть себя; а дѣло въ томъ, что не подумали о религіи съ самаго начала при своемъ воспитаніи и образованіи, и положивъ въ основу своей жизни завѣдомо-ложивыя начала и преднамѣренно подчинивъ имъ высшія требованія Христіанства, на столько сами отдалились отъ Христа въ теченіи жизни, что наконецъ, когда порою приходится оглядываться на Него, они уже едва видятъ и понимаютъ Его; имъ кажется уже не возможно возвратиться къ Нему. Но они опять ошибаются. Люди вѣрка! Вы не видите, что Христосъ идетъ за вами, что Онъ всегда около васъ; откройте глаза, ослѣпленные суетою: а чтобы усилить зрѣніе, возьмите въ руки Евангеліе. Вы

увидите, что Христосъ всегда у дверейъ нашего сердца; — что за этою безконечною Любвию не нужно идти куда-то далеко, предпринимать какіе-то необъятные подвиги: она сама держитъ насъ на рукахъ своихъ, сама готова всегда успокоить насъ и терпѣливо ожидаетъ, когда мы обратимся къ ней, поймемъ ее и дадимъ ей мѣсто въ своемъ сердцѣ. Вы еще разъ скажете, что это трудно; а я еще разъ прибавлю: вы ошибаетесь. Вы не туда и не такъ смотрите; вы привыкли въ своемъ мірѣ на все смотрѣть вѣшними глазами, все мѣрять житейскою мѣрою: такъ и въ религіи. Едва мы заговоримъ о религіи, вы тотчасъ воображаете, что васъ лишаютъ общества, всѣхъ его связей и удовольствій, хотятъ отдать совсѣмъ въ руки духовенства и даже запереть въ монастыри. Тамъ мало вы понимаете сущность и силу религіи! Изучайте духъ ея: онъ гораздо болѣе простъ, ясенъ, свѣтелъ, чистъ, добръ и снисходителенъ, чѣмъ вы думаете, чѣмъ даже духъ вашего міра. Вамъ тяжки высшія требованія Евангелія? Начинайте съ меньшихъ. Не стыдно ли, что многимъ образованнымъ людямъ мало знакома даже азбука истинной религіи! Вамъ тяжело любить Бога? Любите человѣчество: въ немъ и чрезъ него дойдете до любви къ Богу. Вамъ не возможно переимѣнить вашу свѣтскую жизнь? Живите, какъ живете: но знайте и вѣрьте, что и надъ свѣтскою вашею жизнью есть воля Вышняго, которой вы никакъ не избѣгнете: и которая въ кругу вашей же свѣтской жизни, въ ея дѣлахъ и судьбахъ, изрекаетъ судъ свой надъ вами. При всей знатности вашего происхожденія, при всей утонченности вашего воспитанія и образованія, при всей роскошной, счастливой, веселой обстановкѣ вашей жизни, при всѣхъ вашихъ силахъ и средствахъ —

все покорять своей волѣ, власти, вліянію, даже прихотямъ и капризамъ, вы сами знаете, сколько испытаній въ жизни приходится и на вашу долю, сколько у васъ скорбей, тѣмъ болѣе чувствительныхъ для вашего сердца, дѣмъ оно впечатлительнѣе и самолюбивѣе, сколько ударовъ, для васъ ничѣмъ не отвратимыхъ, или внешне разрушающихъ все великолѣпное зданіе вашей жизни, или постепенно подсыкающихъ его, пока оно наконецъ совсѣмъ развалится;—и вотъ льются у васъ слезы, невидимыя низшимъ людямъ, которые съ наружнымъ подобострастіемъ и внутреннею завистію смотрятъ на васъ и не знаютъ, какъ не рѣдко и какъ жестоко душа ваша страдаетъ. Видите-ли вы во всемъ этомъ руку Бога? Если да, то вотъ вамъ уроки Евангелія, которое само собою раскрывается предъ вами, хотя бы вы и не думали о немъ, чтобы вызвать васъ на путь истины и спасенія. Страшны такіе уроки: что же дѣлать? Васъ, съ вашею гордостію и самообольщеніемъ, нельзя иначе учить. Вы въ своей жизни, за стѣнами вашего большаго свѣта, не видите сами путей къ Богу: по необходимости надобно прошибать эти стѣны сильными ударами, чтобы показать вамъ эти пути. А если и тутъ вы ничего не видите, тѣмъ еще хуже для васъ: вы совсѣмъ несчастны!

Чувствую, что такіа мои рѣчи не по мѣсту, гдѣ я говорю, и я конечно напрасно говорилъ бы такъ, если бы имѣлъ въ виду только этотъ домъ: здѣсь не то. Но, почтенные обитатели этого дома, за вами стоитъ свѣтское общество, большой свѣтъ, этотъ виновникъ искусственной жизни человѣка, отдаляющей его отъ Бога, нравственный деспотъ, требующій, чтобы и религія къ нему приспособлялась, а отъ него не тре-

бовада бы ничего болѣе, чѣмъ сколько онъ самъ благоволитъ дать ей. Къ нему-то я хотѣлъ обратить свою рѣчь чрезъ васъ, и для того воспользовался настоящимъ временемъ и случаемъ. Вы же примите мое слово благодушно, какъ пожелали его слышать, и если оно не удовлетворяетъ вашей духовной жадѣ, то судите всѣ его недостатки, но—не осудите за строгость. Истина всегда строга, хотя и полна любви къ человѣку.

Іюнь, 1866 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой половины „Христіанскаго Чтенія“

за 1866 годъ.

	<i>Стран.</i>
Письма св. Василия Великаго.	3—38. 289—316.
Объ употребленіи греческаго языка при Богослуженіи въ Западной церкви.	39— 71.
Эммануилъ Сведенборгъ и его вѣроученіе. 72—105.	251—272.
Церковныя имущества до Юстиніана I-го. 107—140.	323—363.
О преподаваніи богословія въ нашихъ университетахъ.	141—191.
Слово при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ.	192—198.
Душа и дѣйствующія въ природѣ силы.	219—250.
Апологетическія замѣтки.	273—283.
4 и 5 Апрѣля текущаго года въ С.-Петербургской духовной академіи и всеподданнѣйшій адресъ.	284—288.
Обозрѣніе уніятскихъ богослужебныхъ книгъ.	364—395.
Значеніе въ жизни истинно-христіанскаго слова.	396—402.
Сила и спасеніе Помазанника Божія.	403—415.
Апологетическая дѣятельность древней церкви и ея значеніе для настоящаго времени . 422—448.	624—643.
Характеръ протестанства и его историческое развитіе.	449—467.
Латинское Богослуженіе послѣдней недѣли великаго поста въ Іерусалимѣ	468—488.
Загородное поученіе І. Е. В.	489—500.
По поводу брошюры: Споры безпоповцевъ преображенскаго кладбища и повровской часовни о бракѣ К. Надеждина. Спб. 1865 г.	501—570.
Обзоръ XXXIX Членовъ Англиканскаго вѣроисповѣданія.	571—603.

Христіанская церковь въ Америкѣ до открытія нова-	
го свѣта Колумбомъ (964—1492 г).	604—623.
Враги Креста Христова.	644—656.
Письмо къ Тьеру о восточной церкви.	657—664.
Иностранныя церковныя извѣстія.	199—216.
Воззваніе.	317—322.
Объявленія	217—218. 416—420.
